

Местечко Желудок.

Мне всю жизнь везло...

Мирон Мордухович

Опубликовал более 230 научных работ, в том числе 8 монографий, посвященных геологии и геофизике океанического дна. Совместно с Л.П. Зоненшайном составил серию карт-реконструкций океанов и континентов от кембрия до наших дней. Разработал оригинальный метод определения мощности литосферы. Предложил и обосновал модель формирования вулканических подводных гор и островов. Один из основоположников палеомагнитного моделирования подводных гор по данным магнитных и батиметрических съемок.

Преподает в Международном университете в Дубне и в МГУ им. М.В. Ломоносова. Награжден общественными орденами знаками «Поллярная звезда», «Рыцарь науки», «Синий крест Российской академии естественных наук», «Звезда созидания» и др.

Широко известен как поэт и автор песен. Член Союза московских писателей и Международного Союза писателей-маринистов, президент Ассоциации российских бардов. Лауреат Государственной литературной премии имени Булата Окуджавы.

Опубликовал 26 книг стихов, 3 книги мемуарной прозы и около 50 дисков с авторскими песнями. Один из основоположников жанра авторской песни в стране.

Стихи Александр Городницкий начал писать еще в школе (1947), а песни – в первых экспедициях (1954). Его первые поэтические публикации датируются 1948 годом.

Песни и стихи Александра Городницкого переводились на английский, французский, немецкий, болгарский, чешский, испанский, польский, иврит и другие языки.

С 1971 года он бесценный председатель жюри фестивалей авторской и самодетельной песни памяти Валерия Грушина. Многократно участвовал в международных, всесоюзных и всероссийских фестивалях авторской и самодетельной песни. Читал курс лекций по авторской песне в России, США и Германии. Руководил творческими семинарами для молодых авторов.

Творчеству А. Городницкого посвящены многочисленные статьи, диссертации, рецензии и научные доклады в нашей стране и за рубежом. Песни Городницкого и комментарии к ним включены в учебные пособия по авторской песне для средней школы. Они многократно исполнялись по радио и телевидению в России и других странах, а также в многочисленных телефильмах.

По вопросам приобретения журнала «Корни»

просим обращаться в редакцию:

115280, Москва, а/я 20 или savgust@mail.ru

Мирон Мордухович
(Россия, Липецк)

Мне всю жизнь везло...

Оглядываясь на прошедшие годы, вспоминая все, что прожито, вижу, что мне во многом везло. И хотя порой было очень трудно, а временами невыносимо тяжело, но в целом я прожил светлую, радостную, интересную жизнь, которой доволен.

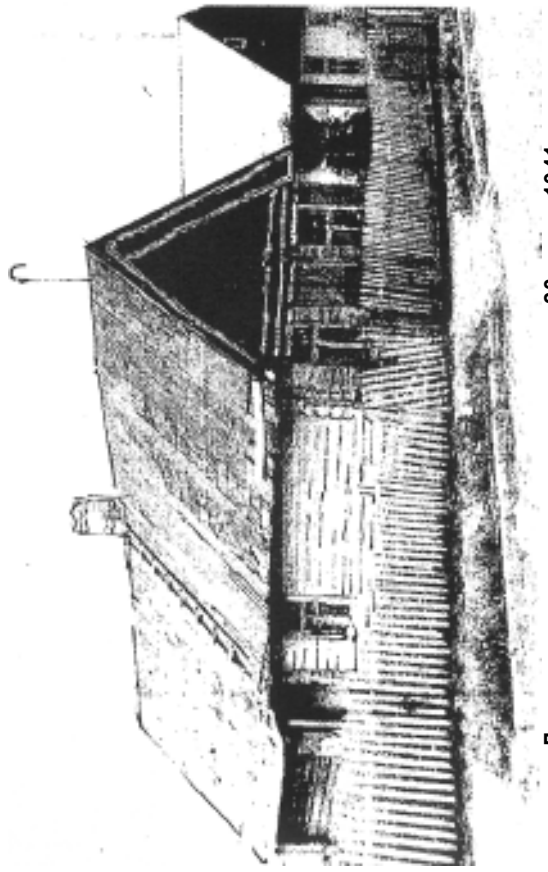
Я выделил бы три важных события, когда мне повезло очень сильно...

Первый раз, когда я родился в еврейском местечке, где прошло мое счастливое детство. Тогда оно было в Польше, потом эти земли отошли к Беларуси. Район, где располагалось наше местечко, находился между городами Гродно и Лида. Это был Виленский край, который выделялся среди других еврейских регионов Восточной Европы культурой и числотой идиша, отсутствием фанатичного хасидизма, религиозной ученостью и наукой.

Местечко наше называлось Желудок, оно походило на сотни других, таких же местечек Белоруссии, в которых жили тогда почти одни евреи, и все они, да и не только они, но и их польские, белорусские и русские земляки, все говорили на идише.

Я учился в еврейской школе и поэтому до сих пор читаю, пишу и говорю на этом языке местечек, на «мамэ лошн», на материнском языке. Сегодня этот язык повсеместно забыт. Я проверил и сейчас знаю точно: в Липецке, в городе, где я живу больше полувека, нет ни одного еврея, говорящего на идиш.

Дом, в котором я родился и жил до 23 июня 1941 г.
Так он выглядел уже после войны. Фото 1950 г.

В памяти остались детские годы, мои сверстники – еврейские мальчишки, мои товарищи по школе и улице. Помню патриархальный быт местечек, соблюдение всеми законов «идишкайта» – еврейской повседневной жизни, еврейского мира. Помню наши будни и праздники, особый колорит нашей национальной культуры и чудесных еврейских мелодий.

Заложенное в детстве чувство еврея не отпускает меня. Оно согревает душу на всем моем жизненном пути.

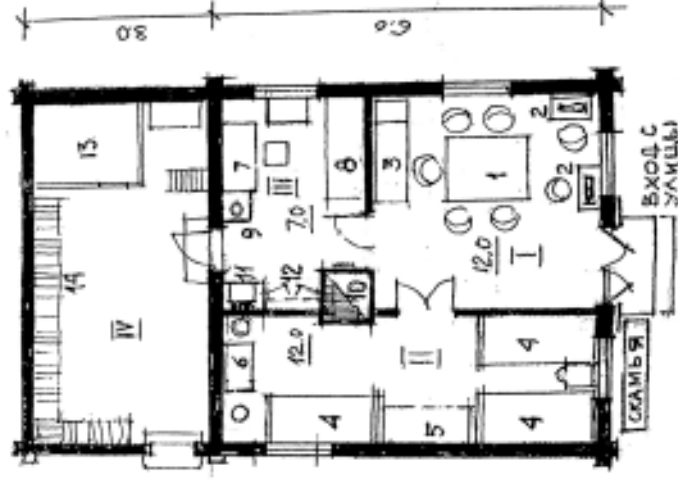
Много раз я ловил себя на мысли, что детские воспоминания по-инному заставляют меня смотреть на мир. Уже будучи взрослым, точнее, пожилым человеком, мне не раз хотелось окунуться в колыхавший детских чувств, переживаний. Порой воспоминания переполняли меня, требовали какого-то выхода. Тогда я брал перо, бумагу, вспоминал детские песни и стихи на идише, рисовал по памяти детали интерьера и планы родного дома, картины домашнего быта. Я старался систематизировать свои воспоминания, располагать их и в хронологическом порядке, и в социальном – дом, школа, быт, культура. Водоразделом, отделившим детство от взрослой жизни, прошли военные годы, хотя война застала меня еще подростком.

В центре моих воспоминаний, конечно же родной дом. Его я помню до мельчайших подробностей.

Сейчас он видится как неказистый сельский домишко. Но тогда он казался мне большим и красивым. Мои карандаш и перо архитектора помогают восстановить планировку дома и общий вид комнаты и спальни.

Центральное место в комнате занимал стол, на котором кроилась ткань. У стены – две швейные машинки «Зингер», на которых этот раскрой шили. Мама с помощницами специализировалась на постельном белье и женской одежде, а отец – на мужских костюмах. В спальне – три кровати и шкаф, тут же – туалетный столик, в центре его – часы с лосадкой. Память сохранила аппликации, которые висели по моде тех лет над кроватями, керосиновые лампы и неременные свечи в подсвечниках. Даже затейливую металлическую дверную ручку.

Само местечко располагалось вокруг базарной площади, от которой лучами расходилось несколько улиц. Дворная улица вела в имение, в графский двор, Виленская – в Вильно, Белицкая – на Вильно и Лиду, Костельная – к костелу, а наша, Орлянская – на Орлю. В конце Виленской улицы находилось еврейское кладбище. С базарной площади открывался вид на большую каменную синагогу. Базарную площадь окружали одно-двухэтажные каменные дома, на первых этажах размещались магазины, а над ними – жилые помеще-

План дома по ул. Орлянской, 27 (1939 г.)

С 1939 г. – улица Комсомольская

После войны – улица Партизанская

I - комната, II - спальня, III - кухня,

IV - сени

1 - стол, 2 - швейная машинка Zinger,

3 - кушетка, 4 - кровати, 5 - шкаф,

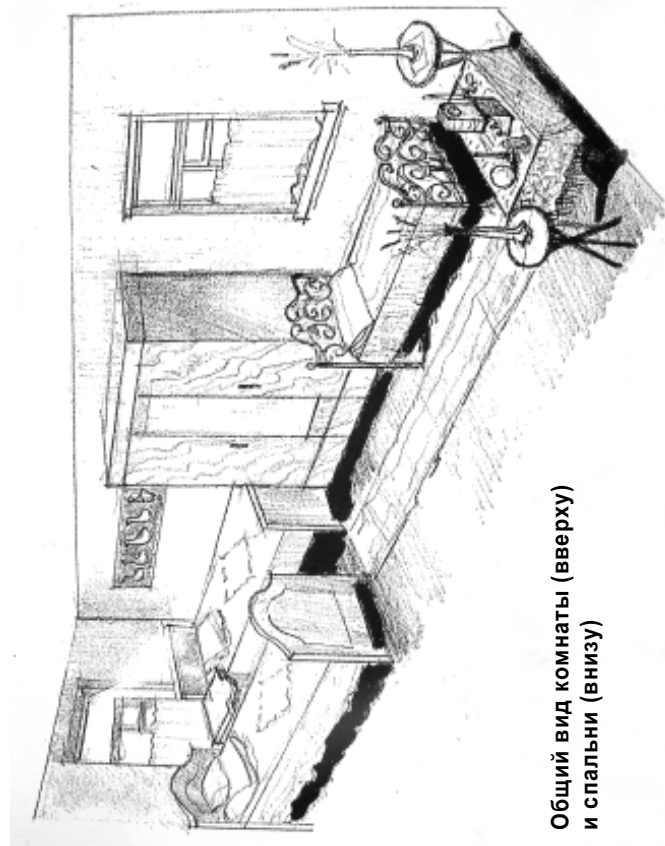
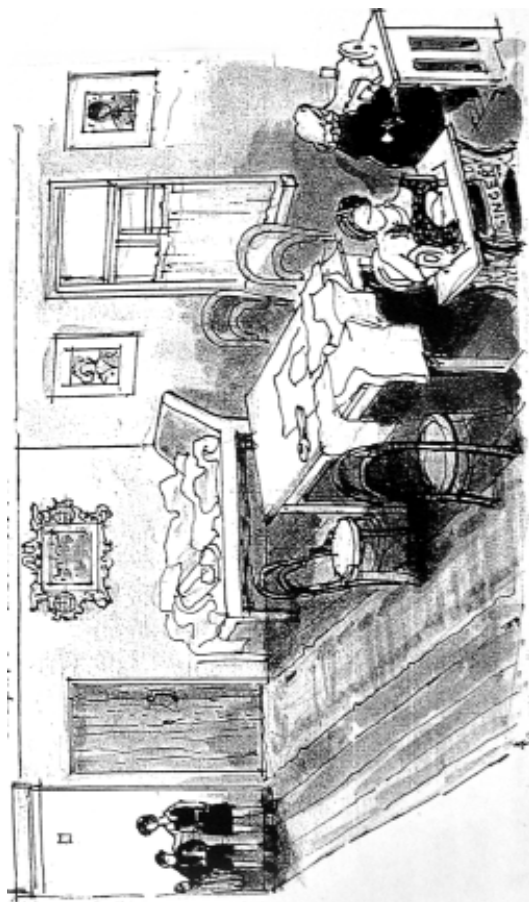
6 - столик, 7 - кухон. стол, 8 - комод и

полка, 9 - ведро с водой, 10 - печка,

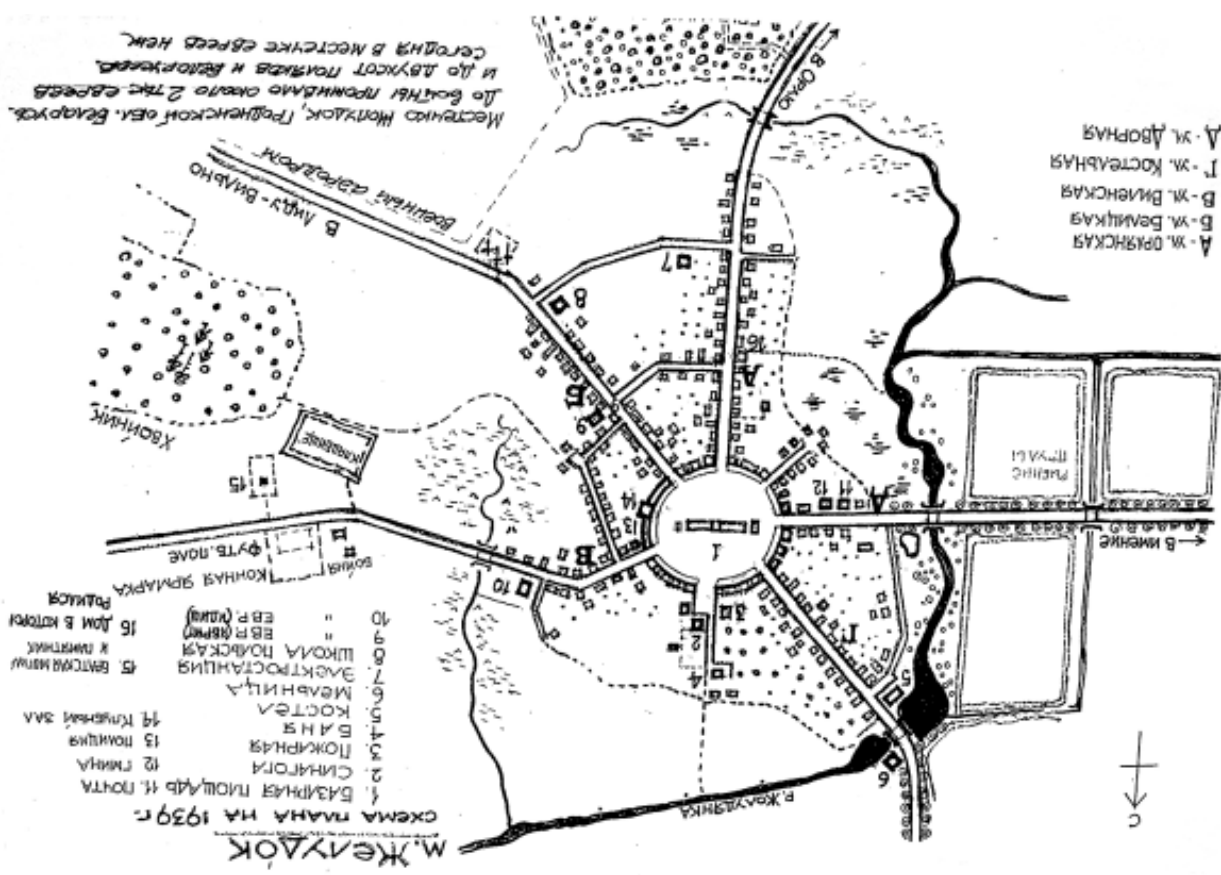
11 - камин, 12 - шкаф, 13 - курятник,

14 - дрова

3 комнаты общей площадью 31 кв. м.

Общий вид комнаты (вверху)
и спальни (внизу)

«В цирке». Апликация

звучали на улице, и песни, которые пели мне. Не раз я вспоминал их, напевал на идише, все пытался найти им более точный перевод на русский язык. Впрочем, и дословный подстрочник мне до сих пор кажется достаточно поэтическим.

Вот, судите сами, на примере песни из моего местечкового детства. На идише она звучала так:

*Блимелах, кренцалах молт ойф ди шойбн дэр фрост.
Ун ин дэм коймен дэр винт азой тройериг блост.
Гут из ундз киндер бам фрейлехн файер ин хойз
Бизкл дэр нафт ин дем штиллинкн лэмпл гейт ойс
Бизкл дэр зейгер вэт шлогн ун шепченен «шпэт»
Цайт шойн цу литн ин вейхн ун варемэн бет.*

А вот ее подстрочный перевод:

*Цветочки, веночки рисует на стеклах мороз
И в трубе ветер так печально завывает.
Хорошо нам дети при веселом огне в доме
Пока керосин в тихой лампе не кончился,
Пока часы отбивают и шепчут «Поздно».
Время уже лежать в мягкой и теплой постели.*

Я помню эту картинку из далекого местечкового детства. Ночь, пурга, в доме прохладно и ветер шевелит занавески на окнах, за

которыми страшная темень. Дети сидят, прижавшись друг к другу у открытой топки печи, в которой пылают, потрескивая, березовые дрова и благодатное тепло исходит на всех.

Тогда начинаются сказки и легенды еврейского эпоса о праведниках и грешниках, о ведьмах и русалках, о путниках, замерзших в пути, и просто сказания из библейских глубин. Эти зимние вечера закладывали в души еврейских детей первые основы «идишкайта», ее духовную суть, которая потом удерживала их в рамках своего народа.

По фрагментам, сохранившимся в памяти, я ее восстановил и сделал авторский перевод.

Цветочки, веночки рисует на стеклах мороз,
 Ветер в трубе завывает и плачет без слез,
 Тепло нам детшкам у жарко горячей печи,
 Пока не погаснет веселое пламя свечи,
 Пока не пробьют уже полночь часы на стене.
 Пора нами забыться в тихом и сладостном сне.

Пепельница

В такую вот ночь в дорогу пустился еврей
 Под мышкой котомка, он с думой шагает своей,
 Голодный, усталый с надеждой шагнул на порог,
 Он шепчет молитву в надежде, что выручит Бог.
 Но ветер, как дьявол, рвет его полы пальто.
 Свистит и хохочет, и снег забивает лицо,
 Силы кончаются, видно он сбился с пути,
 Сердце немеет, и сил больше нету идти.
 Тогда он присел, и виденья тут вспыхнули вдруг:
 Жена и детишки танцуют и выются вокруг.

А снег уж не тает на бледном холодном лице
 И он засыпает в последнем причудливом сне.
 Когда же наутро дорогию шли мужики,
 Мертвое тело еврея случайно в сугробе нашли,
 Один засмеялся, другие безмолвно стояли
 В испуге крестились и тихо молитву шептали.
 В санях под рогожей бедняги закончились дни.
 В местечко к евреям крестьяне находку везли.

Заканчивалась эта песня картиной безмятежного счастливого еврейского дома.

Цветочки-веночки рисует на стеклах мороз,
 Ветер в трубе завывает и плачет без слез,
 Как хорошо нам в мягкой постельке лежать,
 Спать и во сне лишь приятные сны созерцать,
 А над подушкой порхающих ангелов рой,
 В эту пургу пусть Бог наш им дарит покой.

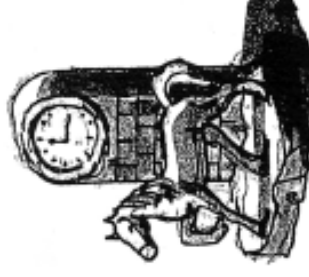
Второй раз мне повезло во время войны. После раздела и захвата Польши наше местечко оказалось почти на самой границе с Германией. Уже 23 июня, на второй день войны, немцы захватили Западную Белоруссию. Люди метались, не зная, что предпринять, остаться или уходить. Многие все-таки остались. Очень скоро выяснилось, что остались они навсегда в расстрельных ямах и братских могилах. Никто не мог предположить, что их постигнет такая участь. Наша семья сделала в ту ночь выбор и ушла. Утром сестра-комсомолка уехала вместе со своими товарищами на машине, днем отец ушел в Советскую Армию, а вечером мы с мамой ушли на восток в толпе беженцев, красноармейцев и заключенных.

Какие муки нам пришлось перенести – это отдельный рассказ. Но сколько таких семей, как наша, попали под бомбежку, оказались в плену у немцев!

Как мы встретились с отцом, как добрались до глубины России, как нашли сестру, как чуть не умерли от голода – это еще один, не менее драматический рассказ, слава Богу, со счастливым концом.

Но наши мучения, наши переживания оказались ничто, по сравнению с теми муками и той страшной развязкой, которые судьба уготовила всем оставшимся под немцами евреям нашего местечка. Они все остались лежать в огромной яме, на окраине местечка. И это случилось – вот жестокая ирония судьбы – ровно за три года до победы, 9 мая 1942 года. После войны из 2000 еврейских жителей местечка в живых осталось всего несколько десятков человек. Это были те, кто оказался в эвакуации, в армии или ушел в партизаны.

После войны оставшиеся в живых ежегодно приезжали в этот день к братской могиле, на которой установили памятник, и радо-

Часы

вались за подрастающее поколение. Но с каждым годом таких становилось все меньше и меньше. И недалеко то время, когда никто из ровесников не придет к могиле своих односельчан и родных. Да и вообще евреев становится все меньше и меньше, а вскоре они останутся лишь небольшой горсткой в крупных городах Беларуси и Литвы.

Ну, а третье везенье связано с тем, что я нашел себя, смысл и цель жизни в своей профессии.

После войны я учился в Риге, стал архитектором, создал семью и вот уже более 55 лет живу и работаю в городе Липецке, в самом центре Европейской части России. Все эти годы моя жизнь была насыщена творчеством, интересной работой. Я постоянно мог видеть результат своего труда, своих исканий и находок. Липецк

интенсивно застраивался, и я как архитектор был постоянно востребован. В моей творческой биографии много построенных в городе зданий, площадей, микрорайонов. У меня много учеников и последователей. И, что немало важно, город все эти годы ценил мою работу.

Начало творческого пути

Самой последней моей творческой работой стало трехэтажное здание еврейского Центра, который сразу назвали синагогой. Действительно, так оно и есть: еврейский национальный центр – это синагога, а синагога – это и есть еврейский центр.

Но всю жизнь меня угнетала наша дурная политическая система, и юдофобия, насаждаемая властью. И постоянно раздражало желание моих соплеменников-евреев спрятать свое происхождение, отказаться от своей национальности, изменить свое имя и отчество и тем самым слиться с толпой, раствориться в ней и исчезнуть как еврей.

А сегодня я счастлив от того, что многие евреи и дети смешанных семей вернулись и возвращаются к своим корням, повели в свою судьбу и с гордостью причисляют себя к большой еврейской семье – егудим.

Но вернусь к своей биографии.

В 1953 году я окончил Латвийский госуниверситет и получил диплом архитектора. Время было жуткое. Началась борьба с так называемым «космополитизмом», а закончилось все «делом врачей» и всеобщей антиеврейской истерией.

В марте умер «отец народов» Сталин, через месяц выпустили на свободу врачей, посадили следователей, потом расстреляли Берия и его подручных, затем выпустили из тюрем уголовников и началась всеобщая вакханалия.

В это время мы вместе с другом отправляемся в Минск, где и устраиваемся на работу. Но здесь я встретил девушку-белоруску, влюбился в нее и моментально женился. Она оказалась родом из Липецка. По ее настоянию я и приехал в этот небольшой городок, надеясь прожить год-другой и вернуться в Ригу, где осталась моя семья, друзья и однокурсники, которые поустраивались в различные мелкие проектные организации города

А Липецк в те годы застраивался бурно. Он только что стал областным центром, и здесь началось сооружение крупного металлургического комбината, а рядом строился новый город со своими улицами и площадями, общественными зданиями и жилыми микрорайонами, парками и скверами. Я сразу включился в творческую работу. Нас, дипломированных архитекторов, было в то время всего пятеро, все мы приехали из разных городов страны. Работы творческой и интересной было много. Мы составили ядро коллектива архитекторов, которые в дальнейшем прибывали в город, они полностью наши ряды. Вокруг меня образовалась молодая и веселая интернациональная компания. Все реже приходили мысли о возвращении в Ригу, и все дальше уходил я от своих еврейских корней.

В строительном мире Липецка было много евреев среди руководителей разного ранга, но все они были далеки от реального еврейства. А многие из них тщательно скрывали свою национальность. Это выглядело смешно и печально, так как по внешнему виду, по манере держаться и разговору они были легко узнаваемы, ведь еврейское происхождение скрыть трудно. Я же с женой и дочерью ежегодно ездил в отпуск к своим родным, где мы об-

Лестница с каскадом фонтанов в центре города. Проект – май 2007 г.

щались на идише, жена научилась готовить еврейские блюда, я встречался с еврейскими друзьями, и эти поездки не давали мне забыть о своем прошлом.

Потом мы начали встречаться 9 мая в родном местечке Желудок, куда съезжались выжившие в войне и разбросанные по всей стране земляки, ставшие теперь чуть ли не родными.

Как-то, сравнительно недавно, к годовщине гибели местечка, я рассказал об этих встречах.

Шестьдесят лет прошли
От кровавого дня
Когда все здесь легли
И стонала земля.

Шевелилась земля
Над могилой большой,
А теперь тишина
И печальный покой.

Сколько лет уж прошло,
Но не в силах забыть;
Людам страшное зло
Не могу я простить.

А из жизни из той
В эти майские дни
По ночам чередой
Все проходят они.

И все кажется мне,
Я пред ними в долгу,
Что хожу по земле,
Что так долго живу.

В эти теплые дни
Я печальный здесь гость.
Все ушли земляки
Нас осталось лишь горсть.

Мало нас за столом,
Но зато – все родня.
И на идиш споем,
Как мы пели всегда.

Местные белорусы, которые собирались на памятные митинги в центре местечка, с удивлением смотрели на казалося бы неизвестно откуда взявшихся евреев. Многие узнавали нас, сочувствовали нашему горю. Внешне все было торжественно и печально.

Моя землячка Эся, подталкивая меня, приговаривала: «Меер, ду кенст нох рейден, зог а пор вертер, вайз вер мир зайтен» (Меер, ты же умеешь говорить, скажи пару слов, покажи, кто мы такие). Я выступал на митингах, говорил от имени выживших граждан местечка и от имени тех, кто остался навсегда в этой земле.

А вечером, после торжеств, когда собирались в ресторане, были речи и слезы, и песни на идише, и эти встречи с людьми, ставшими такими близкими и родными. Встречи с умершим местечком оживляли теллую память детства и надолго заряжали душу светлой любовью. Мы ездили на эти встречи всегда вдвоем, с дочерью, и

Еврейский культурный центр (синагога). Проект 2005 г.
Введена в эксплуатацию в 2008 г.

яркий след этих памятных встреч надолго согрел всю нашу семью.

Эти встречи у памятника на братской могиле продолжают. Теперь там собирается второе и третье поколение евреев местечка Желудок. Фактически, они, дети смешанных браков, уже не евреи, но в их сердцах под пеплом еврейских корней теплится огонек национальной памяти.

Как-то, когда мы возвращались домой после очередной встречи с родными в Риге, мой племянник Изя показал мне книжку на идише: «Идише гешихте» Фар шул ун хейм. Дубнов. (Еврейская история. Для школы и дома. Автор Дубнов). Начинаясь она так: «Как это случилось, что евреи – народ востока стали народом запада. Это сделала Римская империя, столицей которой был город Рим». Я упрямил племянника, который даже не подозревал, что это еврейская книга, дать ее мне до будущего года. За несколько дней я ее проглотил, затем засел за перевод. Через полгода у

меня была готова рукопись перевода, даже с рисунками. Через год я привез ее в Ригу, племянник ее размножил на тончайшей бумаге. Книгу прочитали его друзья, потом она оказалась в Канаде, хотя там подобной литературы предостаточно. У меня до сих пор хранится папка с моим переводом Дубнова. Это было в 1970-х годах и тогда за самиздат можно было легко сесть.

Прошли годы. С каким удовольствием и душевной легкостью, будучи в Израиле, я купил и Дубнова, и двухтомник Эттингера, и замечательную книгу Даймонта «Евреи, Бог и история», и еще много другой литературы по нашей истории.

Позже в общинной библиотеке я наткнулся на пачку первых номеров журнала «Корни». Так же, как книгу Дубнова, я проглотил эти номера за пару дней и понял: «Это мой журнал... Именно о таком журнале мечтал все годы». С тех пор я самый благодарный читатель журнала.

Теперь о Липецкой общине. Она была создана в 1993 году. Для меня она началась так.

Однажды у меня зазвонил телефон, и голос с утрированно подчеркнутым еврейским акцентом спросил:

– Это квартира товарища Мордуховича?

– Да. Я у телефона.

– Это действительно товарищ Мордухович?

– Да! Да, Артур Яковлевич, я узнал вас!

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Артур, довольный своим розыгрышем.

Это был хороший мой знакомый, замечательный человек, не мец по национальности, Артур Гольд, главный психиатр области.

После обычных приветствий, он сказал:

– А почему бы вам в Липецке не создать еврейскую общину? Сейчас это вполне возможно. Я уже создал немецкую, правда, пока очень малочисленную, ну так что? Зато наш офис в вашем распоряжении. Мы собираемся по воскресеньям, а вы могли бы, например, собираться по пятницам.

– Конечно, по пятницам – это было бы очень удобно. Я не думал об общине, но с удовольствием бы участвовал в ее жизни. Вопрос в том, кто возглавит общину. Я – не лидер, я за это не возьмусь...

– Такой человек уже есть. Это – Ляховицкий, он берет за организацию общины. Нужно только помочь ему, поговорить с людьми, чтобы пришли на первые встречи.

Одно из собраний реформистской общины Липецка

Действительно, создать еврейскую общину – это было бы здорово. Как минимум – познакомлюсь с липецкими евреями. Кто они? Где они? Стал звонить своим знакомым, рассказывать про идею создания общины. Но почти все они под разными предлогами отказались. Один мой близкий знакомый сказал:

– Вы что, с ума сошли? Да после первого же собрания ваши имена будут известны в КГБ, а nasledующий день – в обществе «Память». Я не приду, и тебе не советую. Надеетесь на демократию? Ну-ну, получите гранату в окно, на этом все и закончится. Но мы все-таки собрались накануне Рош а-шана. Было нас 10 человек, в основном, интеллигенция: врачи, учителя, отставные военные, инженеры-металлурги.

Открыл эту первую встречу Ибрагим Павлович Ляховицкий, бывший строитель, а к тому времени – пенсионер и частный предприниматель.

Все были взволнованы, охвачены совершенно новым чувством переживания своей свободы. Мы вглядывались в глаза друг другу, чтобы убедиться в схожести чувств. Никогда еще липецкие

евреи не собирались в таком количестве и по такому поводу.

Мы много тогда говорили, перебивая друг друга, рассказывали свои истории, даже пробовали спеть на идише.

Словом, было интересно, волнительно, нас захватил восторг ранее сдерживаемых, а теперь вырвавшихся на свободу национальных чувств. Договорились регулярно встречаться перед всеми еврейскими праздниками.

Потом, через десять лет, вспоминая эту встречу, я писал:

М.В. Мордухович и руководитель реформистской еврейской общины О.А. Замятина

Сентябрь золотом сиял,
Осенняя пора.
И Ляховицкий нас собрал,
Общину нашу он создал
В канун Рош а-Шана.

Нас десять было-то всего,
Пришли – себе не веря.
Нам было странно и чудно
И непривычно от того,
Что все мы здесь евреи.

Какие времена пришли,
Какие перемены!
Совсем другими стали мы,
Свои истоки мы нашли,
Проснулись наши гены.

Настал еврейский Новый год,
Давайте веселиться!

Сомкнулись руки в хоровод
И голову поднял народ,
И есть нам, чем гордиться

Наши встречи продолжались.

В складчину покупали продукты для скромных бутербродов, а самодельное вино приносил наш председатель из своих домашних запасов. Поскольку, как выяснилось, я был единственный, кто знал идиш и помнил еврейские обычаи, то стал главным советником по вопросам идишкайта.

Так продолжалось около двух лет. Женщины приносили домашние яства и угощали блюдами еврейской кухни. Звучали записи еврейских мелодий, танцевали под «Семь сорок» и «Хаву нагилу». И тогда наш председатель решил зарегистрировать сложившуюся общину. Сразу же возникла проблема: кто мы? Какой национально-культурной или религиозной ориентации мы придерживаемся?

Если мы просто культурное сообщество – то живем сами по себе, ни на какую поддержку извне рассчитывать не можем. Если мы община ортодоксального иудаизма, то можем надеяться, что нас поддержит Главный раввин России Рав А.Шаевич.

Если же мы община прогрессивного иудаизма, то можем получить солидную помощь на свое развитие от Российского еврейского конгресса, президентом которого был тогда Владимир Гусинский. Ортодоксами мы себя не ощущали, поэтому остановились на последнем предложении.

В традиции прогрессистов субботний ритуал объединяет женщин и мужчин, он проходит под музыку, все это было нам естественно и понятно.

На встречи приходило 20–30 человек, многие семьями с детьми. Разучивали благословения, знатоки рассказывали о знаменательных событиях еврейской истории и памятных днях еврейского календаря, дети готовили спектакли и скетчи, танцевальные номера. В целом получалось немного религии, немного просветительской информации по истории еврейского народа и национальных обычаев и много развлекательных программ по культуре и национальной традиции.

Пока не наступил раздел.

В конце 90-х годов, в противовес общине прогрессивного иудаизма, как ее антипод, возникла хаббадская община, и наше без

того малочисленное общество раскололось. Еще недавно созданный, любовно собранный и казавшийся таким дружным коллектив разделился на две тихо соперничающие между собой группы. Нескольким людям, не желающим отягощать себя религиозными заповедями и ритуалом, вообще перестали приходить куда-либо на встречи. Было обидно и грустно.

Немного разрядило обстановку сообщение, что общине «Хабд-Любавич» выделены средства на строительство еврейского культурного центра, проще говоря, – синагоги. С большим трудом мне удалось найти достойный участок в центре города, и я взялся за проектирование здания, естественно, безвозмездно.

Четыре года продолжалось строительство. Когда же в городе узнали, что будет открыта синагога, то пошел поток писем против ее строительства. При чем писали не штатные антисемиты из общества «Память», а, казалось, вполне нормальные интеллигентные люди, учителя и студенты, работники культуры и священнослужители. Чего и кого они боялись? Какие страхи они вообразили себе? Но трехэтажное здание было построено. Сегодня оно смотрится нарядно, празднично, всем своим видом прекрасно вписываясь в городской ансамбль.

Забита последняя свая
И мы все уверены в том,
Что святостью вечной сияя,
В Липецке будет наш дом.

М.В. Мордухович в рабочем кабинете

Казалось, надежды разбиты
И в души сомнение пришло.
Но сваи навечно забиты,
Теперь их не сломит ничто.

Мы верим в свою синагогу,
В единство на нашем пути.
Спасибо великому Богу,
Что вместе помог нам идти.

Закончилось оформление Арон-кодеша*. В здании выделены помещения для «Хесед»**, школы, библиотеки, предусмотрены административные помещения. Теперь в Липецке есть своя синагога. Остался открытым вопрос, кто будет ее посещать и как ее содержать.

А пока мне приятно бывать в нашей общине. Например, в шаббат при зажженных свечах мы поем молитвы, очень красивые мелодии, потом трапеза и разговоры всякие, потом люди танцуют. Уже не молодые евреи пускаются в пляс, держась за лацканы, улыбаются и веселятся в такт «Семь-сорок» или «Фрейлехс». За столом поют «Хаву нагилу» и «Ломер але инейнем», и конечно, «Тум балалайку». Люблю, когда отмечают праздники. Обычно это происходит в кафе, с концертными номерами и общим весельем. Особенно радостно, когда выступает детский ансамбль – в основном, это внуки смешанных семейств, третье поколение некогда галахических евреев.

Когда сравниваю тихо конкурирующие две еврейские общины, то замечая: у ортодоксов, вернее, хасидов – бутерброды жирнее, а у реформистов из общины прогрессивного иудаизма – веселее.

Вся моя жизнь прошла в этом русском городе. Здесь прошли мои молодость и зрелость. Подошла и старость, но я еще полон надежд и творческих планов. Этому городу я посвятил всего себя, но, как и раньше, хочу, могу и буду радостно трудиться.

Лет тридцать тому назад был у меня в гостях мой земляк из местечка, выросший до крупного работника Министерства финан-

* Арон-кодеш – бунк. священный шкаф, сооружение, где хранятся священные свитки Торы.

** Хесед – бунк. милостыня, благотворение; здесь – благотворительная организация.

Благоустройство площади у Областного драмтеатра. Проект – май, 2004 г.

Памятный коллаж, подаренный коллегами и учениками в честь 75-летия М.В. Мордуховича в 2004 г.

сов. Видя, как я отдаю всего себя работе, как переживаю за не-удачи, он удивился:

– Меер, что тебе этот город? Ты еврей из Беларуси, а это – их город, их проблемы. Пускай они сами учатся их решать. Мы должны работать, как специалисты работают за рубежом: вот наш труд, вот наша зарплата. И все.

Но я так не могу. Больше пятидесяти лет я живу и работаю в этом городе, из них более тридцати лет – главным архитектором института «Липецкгражданпроект». Десятки крупных объектов возведены по моим проектам, сотни – разработаны другими авторами, созданы под моим руководством. Особенно плодотворно я работал последние 10 лет, когда город начал украшаться новыми зданиями, парками, скверами, фонтанами.

Липецк вышел на одно из первых мест в России по благоустройству, и моя неблагодарная для русского уха фамилия постоянно звучит по местному телевидению, мелькает в местной и рес-

публиканской печати. Меня довольно часто награждают разными знаками отличия, я удостоился звания «Заслуженный строитель города» и «Почетный архитектор России».

Последние годы мою радость бытия ни разу не омрачал антисемитизм. Я счастлив и от того, что живу в городе, построенном мною и моими коллегами. Но мне как-то по особенному приятно, когда мою фамилию называют рядом с фамилиями других евреев – знатных строителей города, в том числе рядом с Марголисом, Астманом, когда еврейские фамилии звучат в рассказах о людях, подавших свой труд городу, прославляющих его, участвующих в его общественной жизни.

А для полного счастья, раз в два года я приезжаю в Израиль, где получаю дополнительный приток радости, энергии и уверенности, что жизнь удалась.

Мне приятно, что у меня сложился определенный стереотип, и что работа меня захватила и не отпускает. А может быть, это я не отпускаю работу от себя. Лучше-хуже, но дни быстро бегут, не успеваешь оглянуться – уже пятница, конец недели. Наверное, в этом беге я в чем-то сохраняю себя, некогда заниматься рефлексией, бесцельно анализировать свои и чужие поступки.

Вот мой рабочий день: просыпаюсь в полшестого, сажусь за Доску, утром самые производительные часы. Я люблю это время.

6 часов утра, включаю приемник, слушаю последние новости, слава Богу, в Израиле спокойно. Потом тихо завтракаю. Тихо, потому что Галя еще спит. В 7 утра иду на работу. Пешком. В городе еще тишина, солнце встает из-за высоких домов, сердце радуется жизни и теплоте дня. Захожу в свой знакомый (сколько лет!) кабинет, выкуриваю сигарету и готовлюсь к рабочему дню. В 8.00 начинаюсь погоня: возникают вопросы, один сложнее другого, вызывает директор, дает очередное задание, приходят архитекторы со своими проблемами, и всем нужно объяснить, помочь, сделать быстро эскиз-набросок, выехать на стройку. И так весь рабочий день без минуты покоя. Днем иду на обед, Галя его уже подготовила и разогре-ла, быстро ем и уже автобусом возвращаюсь на работу. Еду остановку – после обеда идти не хочется. К концу дня чувствую усталость, хочется посидеть и ничего не делать.

Медленно иду домой, в пакете несу чертежи. В 6 часов ужинаю, немного отдыхаю в кресле перед телевизором, обычно это вечерние известия, и снова за чертежную доску. В 11 ложусь и сразу засыпаю. Всё! Так день за днем, уже сколько лет. Но каждый удачно

Липецк. Центральный район города

ности избегаю. Они относятся ко мне как к многознающему специалисту. Я чувствую, что им нужен, и они мне нужны. С ними и я молодею. А начальству я нужен потому, что тяну огромный воз проблем, и они пугаются, когда я говорю: «В следующем году пойду на пенсию». Чувство нужности, востребованности также стимулирует интерес к жизни.

Когда иду по городу, постоянно ловлю себя на мысли, что вот это и это, и многое другое построено по моим проектам или проектам нашего института. В Союзе архитекторов меня считают «патриархом» липецкой архитектуры.

Стресс и напряжение снимаю по пятницам в кругу руководителей-сослуживцев или в общине, где встречаем шаббат. Начальники пьют много, я гораздо меньше, но достаточно, чтобы жизнь начала играть новыми красками. Прихожу домой чуть-чуть «на газах», и Галина начинает свой монолог: «Что, жить надоело? Вот допьешься, докурисься...» Я слушаю ее и сажусь за доску: работа вмиг убирает хмель.

Почему я так подробно рассказываю? Чтобы убедить себя, что мне здесь хорошо и не нужно переживать за неосуществленную мечту уехать?

Уехать, но куда?

В Израиль – да!

Но не из-за того, что мне здесь плохо, просто из-за желания быть среди тех, кто обживает эту страну, из-за солидарности с теми, кто там живет, несмотря на тяжести и опасности. Просто за тем, чтобы потом лечь в эту священную землю.

Но зачем я нужен, например, Германии, и зачем она мне? Чтобы быть сытым и съест лишней банан? Или восхищаться их культурой и красотами, которые я не создавал? И сохранять спокойствие, когда мне скажут «юде» или «жид»?

Я понимаю тех, кто не любит Россию, кто помнит все нанесенные ею обиды, кому в ней тошно. Я тоже не великий патриот. Но никогда не забуду, что Россия нас, евреев, спасла, как смогла. Не будь России, нас бы тоже не было. У меня здесь много хороших друзей, умных и честных людей, с которыми приятно общаться. Их единственный «недостаток» – они не евреи, и я не могу с ними до мельчайших нюансов переживать свои еврейские мысли и сомнения, хотя по интеллекту они гораздо выше многих евреев, с которыми меня объединяет лишь одно: происхождение.

Конечно, живу я довольно скромно. Но мне так удобно жить. Я бы и в Германии не шиковал. Но там я бы точно уж не нашел для себя работу по специальности. Там сейчас нужны молодые архитекторы, с новым мышлением, а я бы был в лучшем случае уборщиком или просто пенсионером, и все бы свелось к трем заботам: кушать, отдыхать, наслаждаться. Но, как говорят в Германии, «каждому свое». Один счастливец от пьянства, другой от любовных утех, третьему дайте лишь озеро и рыбалку, четвертому – знатную должность. Я же трудоголик, мне сладка работа, хоть за чертежной доской, хоть на грядке. Раньше мечтал о путешествиях, о новых городах и музеях, теперь это погасло, нет бывшего желания куда-то мчаться. Да, честно говоря, я и раньше был не ездун. Когда я отдыхал в Гаграх, то не мог лежать на пляже, я там уставал и с наслаждением возвращался в свой Липецк. Скажу по секрету, даже из Израиля я с удовольствием возвращаюсь домой.

Как-то один друг прислал мне письмо, где он описывал прелести жизни в Германии на всем готовом, приглашал приехать насовсем или хотя бы в гости, высмеивал мое неумение жить и верность этой нищей стране. Я было собрался написать ему ответ, но не окончил и не отправил. Нет, я не хочу жить в Германии, тем более, на деньги, полученные за 6 миллионов замученных.

Меня часто в общине спрашивают: как я отношусь к религии? Я неверующий еврей. Основные легенды еврейской истории я узнал еще в детские годы в местечке. Сегодня, читая Тору, Библию, я восхищаюсь этой книгой, где много мудрых мыслей, но много и того, что не укладывается в сегодняшнем сознании. То, что с восхищением принимали древние пастухи, сегодня видится как легенды или сказания.

В то же время нельзя отрицать, что эта книга, что вера в единого Бога помогла сохранить еврейский народ в течение трех тысячелетий. Поэтому я, будучи атеистом, с почтением отношусь к верующим, к еврейской истории и обычаям. Вот перед кем я действитель-но преклоняюсь, так это перед пионерами сионизма, которые воссоздали Израиль, защитили и построили страну, не надеясь на чудо, а лишь на собственные силы и жизни.

Только там, в Израиле, может сохраниться еврейский народ на многие столетия. В диаспоре же, обыденная жизнь неизбежно ведет к ассимиляции. И со временем лишь в Израиле останутся евреи и будет там еврейское государство, похощее на все другие страны, и будут они как все.

Меня, конечно, задевает антисемитизм, если я сталкиваюсь с ним. Задевает, но не пугает. Вспоминая анекдот начала 90-х годов: корреспондент спрашивает у мужика, приехавшего в Москву из Тамбова: «В Тамбове работа есть?» Отвечает: «Нет работы». «А в Тамбове продукты есть?». «Нет продуктов!» «А антисемитизм есть?» «Я же сказал – в Тамбове ничего нет!»

Антисемитизм в Липецке сохранился на бытовом уровне, такой же, как во всех городах России. Не больше, но и не меньше. В России антисемитизм, иногда скрытый, иногда открытый, был всегда. И когда в государстве наступали кризисы, то вспоминали евреев как козлов отпущения. Как видим, и Европа не свободна от этого предрассудка, не говоря уже о мусульманском мире. Евреи не лучше и не хуже других народов. Но копь мы родились евреями, то такими и должны остаться. И уже воля каждого остаться религиозным или атеистом. Главное – быть порядочным человеком.

Мне кажется, это главное в жизни.

Вместо послесловия Зодчий

Девятого июля 2009 года исполнится 80 лет главному архитектору института «Липецкгражданпроект» Мируну Владимировичу Мордуховичу, человеку, имя которого хорошо знакомо не только каждому липецкому архитектору, строителю, монтажнику, проектировщику, заказчику, но и десяткам тысяч жителей города и области, непосредственно не связанным с архитектурной, градостроительной и строительной деятельностью.

Эту известность юбиляр заслужил своей безграничной преданностью раз и навсегда выбранной профессии, определившей его любовь и верность одной прекрасной «даме» – архитектуре.

Трудовой путь Мирон Владимирович начал в 1954 году в городе Иванове после окончания архитектурного факультета Латвийского государственного университета. Но сложилось так, что спустя полтора года, в сентябре 1955-го он переехал в Липецк, и с тех пор вся его производственная и общественная деятельность неразрывно связана с застройкой наших городов и сел.

Первой планировочной работой Мирона Мордуховича в Липецке был проект благоустройства холма у Христорождественского собора и строящегося комплекса зданий Дома Советов, гостиницы и жилого дома. Все эти оригинальные дорожки, площадки, спуски и переходы, которыми любуются сегодня липчане и гости нашего города, проектировал Мирон Владимирович. И эта работа сразу же показала разносторонние способности молодого архитектора.

Бескрайняя работоспособность и удивительное трудолюбие – вот что отмечают в Мордуховиче его коллеги. В сочетании с высоким профессионализмом это позволяло Мируну Владимировичу в самые сжатые сроки решать сложнейшие задачи по разработке проектно-планировочной документации и проектированию конкретных объектов.

Еще работая в 1955–1959 годах в областном отделе по делам строительства и архитектуры, он впервые занялся разработкой схем планировки и застройки городов и районных центров области. Выполненные им перспективы общественных центров Долгоруково, Льва Толстого, Добринки и других населенных пунктов послужили основой для дальнейшего их комплексной застройки и развития.

Важнейшей отличительной чертой профессиональной деятельности Мирона Владимировича является его новаторский подход к решению проблем архитектуры и градостроительства, но с учетом сложившихся традиций. Он умело, много и постоянно работал с молодыми архитекторами, щедро делясь

с ними знаниями и накопленным опытом. Некоторые из молодых специалистов, прошедших учебу у М.В. Мордуховича, выработали свой стиль, основали свои школы и стали известными архитекторами в Липецке. Среди них Г. Александров, В. Дмитриев, Р. Мустафинов, И. Сорокин, С. Высоцкий и многие другие.

Среди коллег он всегда выделялся отличным знанием своего дела, прекрасной эрудицией, четкой аргументацией, точностью и лаконичностью суждений, что позволяло ему прямо и смело высказывать свою точку зрения по проблемам архитектуры и градостроительства и говорить правду, какой бы она ни была. И с его мнением считались на любом уровне. Как правило, его анализ, оценка и выводы относительно представленных на различные градостроительные советы проекты являлись наиболее верными, составляя основу принимаемых решений. Однако это не значит, что он считал свое видение обсуждаемого вопроса единственно верным. Умение идти на компромисс в мелочах, но проявлять твердость в главном, позволяло ему без всяких колебаний признавать иное мнение и даже выявить в предлагаемом оппонентом решении невидимые на первый взгляд преимущества. И при этом он всегда руководствуется стремлением создать как можно более комфортные условия проживания населения, памятуя о том, что архитектура должна выполнять заказ общества и верно служить людям.

К сожалению, на долю нашего поколения выпало немало испытаний, которые не только не способствовали развитию архитектуры и градостроительства, но и препятствовали достижению желаемых результатов. И Мирон Владимирович честно и убедительно говорит об этом в своей статье «Архитектура г. Липецка», которая войдет в готовящуюся к изданию книгу «Созидатели», повествующую о подвиге липецких архитекторов, строителей и монтажников, сумевших за сравнительно короткий период осуществить застройку городов и сел, создать мощную многоотраслевую экономику молодой Липецкой области.

«Сегодня, оценивая архитектурные аспекты созданного города, можно найти много погрешностей, неудач, случайных градостроительных ляпсусов и явных ошибок.

Но нужно вспомнить, в каких условиях мы работали, когда каждый индивидуальный проект надо было согласовывать с Госстроем, каждый квадратный метр – со Стройбанком, сплосшь типовые проекты, стандарты, серии и никакой отсебятины, никакого творчества.

Мы не создали шедевров, но работали на уровне лучших отечественных примеров»...

Своим беззаветным служением архитектуре Мирон Владимирович завоевал огромный авторитет и уважение не только у коллег, но и среди работников других отраслей — в здравоохранении, народном образовании, бытовом обслуживании, торговле, общественном питании. И вполне закономерно он носит

почетное звание «Заслуженный строитель Российской Федерации», так как в переводе с греческого «архитектор» означает «строитель».

И отрядно видеть, что в свои 70 лет он также молод душой и полон архитектурных замыслов.

Владилен СОЛОМИН,
заслуженный строитель РСФСР,
член Союза архитекторов России

Об авторе. Мордухович Мирон Владимирович – родился в 1929 г. Окончил архитектурный факультет Латвийского государственного университета в г. Риге (1953).

С 1955 по 1969 г. работал в архитектурных организациях города Липецка и области. Сразу после образования Липецкой области, работая в областном отделе архитектуры и градостроительства, проделал большую работу по разработке схем планировки и застройки городов и районных центров области. Выполненные им перспективные общественных центров населенных пунктов области послужили основой для дальнейшего их развития.

С 1977 г. работает и институте «Липецкгражданпроект» главным архитектором. По его инициативе и под его руководством в институте сформировалась своя архитектурная школа, которая внесла значительный вклад в формирование архитектурного облика областного центра, городов и сельских населенных пунктов области. Он автор построенных в г. Липецке и области многих объектов: Дом культуры строителей, спортзал «Динамо», ресторан «Чайка», универсам и рынок на пл. Победы, памятники на пл. Герцена и пл. Революции, универмаг в г. Усмани. Выполнил много проектов реконструкции общественных зданий и благоустройства г. Липецка. Принимал непосредственное участие в разработке зональной серии крупнопанельных домов и в планировке Юго-Западного и семи жилых районов. Много и постоянно работает с молодыми архитекторами, некоторые из которых основали свои школы и стали заместителями архитекторами Липецка.

Публикации в журнале "Корни":

"Местечко Желудок", № 21

"Еврейские дети", № 30

"О родном местечке, что ушло в небо, но осталось в сердце", № 34
"В Аризле", № 38

"Встречи в местечке", № 39

Опубликовано в журнале «Корни» №40, стр. 137-165 и на сайте
<http://shorashim.narod.ru/best.html>

При использовании ссылки на «Корни» обязательна.